

Присцилле

Контакт

1

Заросли бамбука.

Благодаря им он нашел тропинку в шелестящем море зелени и добрался сюда. Растения подсказывали ему путь — нашептывали ему, как следует поступать. Так было всегда. В Камбодже. В Таиланде. И здесь, в Малайзии. Листья касались его лица, звали его, подавали ему сигнал...

Но сейчас эти друзья обернулись врагами.

Сейчас они поймали его в ловушку. Он не знал, как это случилось, но бамбуковые стебли приблизились, сомкнулись, превратились в герметичную камеру.

Он попытался просунуть пальцы в дверную щель. Невозможно. Он стал царапать пол, чтобы раздвинуть доски. Напрасно. Он поднял глаза и не увидел на потолке ничего, кроме тщательно пригнанных пальмовых листьев. Сколько же времени он не дышал? Минуту? Две минуты?

Кругом было жарко, как в парилке. Пот тек по его лицу. Он сосредоточился на стене: каждая щель была заполнена волокнами ротанга. Если ему удастся распутать одну из этих нитей, может быть, сюда проникнет воздух. Он попытался сделать это двумя пальцами — бесполезно. Через несколько секунд он принялся царапать стену, ломая ногти. Он с бешеным ударил по стене и упал на колени. Он сдохнет. Он, мастер апноэ, сдохнет в этой хижине из-за нехватки кислорода.

Тогда он вспомнил о настоящей угрозе. Он бросил взгляд через плечо: к нему тянулись темные полосы — медленно, тяжело, как потеки гудрона. Кровь. Она вот-вот достигнет его, поглотит, удушит...

Он со стоном вжался в стену. Чем больше движений он совершал, тем сильнее ощущал, как в нем нарастает желание сделать вдох, — нехватка воздуха терзала его легкие, поднималась к горлу, словно пропитанный ядом комок.

Он опустился на четвереньки и пополз вдоль стены, надеясь найти хоть маленький зазор между ней и полом. Так он прополз немного, словно животное, а потом снова обернулся. Кровь была всего в нескольких сантиметрах. Он взвыл, прижавшись спиной к стене, вдавив пятки в пол, отчаянно пытаясь отодвинуться.

Под нажимом его спины стена поддалась. В камеру белой струей хлынула смесь пыли и соломы. Чьи-то руки оторвали его от пола. Он услышал голоса, крики, приказы на малайском языке. Он увидел перед собой пальмы, серый песок пляжа, ярко-синее море. Он вдохнул полной грудью. В воздухе пахло рыбой. В его мозгу вспыхнули два слова: Папан, Китайское море...

Чьи-то руки уносили его, какие-то люди заглядывали в хижину. Удары кулаков, уколы гарпунов. Он безразлично сносил все. Он думал только об одном: теперь, когда его освободили, он хочет увидеть ее.

Источник крови.

Обитательницу полумрака.

Он посмотрел в сторону сорванной двери. В глубине хижины к позорному столбу была привязана обнаженная молодая женщина. Десятки ран покрывали ее тело — бедра, руки, торс, лицо. Из ее тела выпустили кровь. Его вспороли, искололи, изрезали, чтобы кровь изливалась на землю медленным и непрерывным потоком.

В этот момент он понял истину: эта мерзость была делом его рук. Ни крики, ни удары, сыпавшиеся на его лицо, не мешали ему сознавать ужасающую реальность.

Это он убийца.

Тот, кто учинил эту резню.

Он отвел глаза. Озлобленная толпа рыбаков спускалась к пляжу, волоча его за собой.

Сквозь слезы он увидел веревку, качавшуюся на ветке дерева.

СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА В ТРОПИКАХ?

7 февраля 2003 года. Одиннадцать часов утра по местному времени. В Папане, маленькой деревушке на юго-восточном побережье Малайзии, в этот день все идет, как обычно. На дороге, тянущейся вдоль широкого песчаного пляжа, можно увидеть туристов, торговцев, моряков. Внезапно раздаются крики. Под пальмами появляются возбужденные рыбаки. Некоторые из них вооружены: палки, гарпуны, крючья...

Они бегут по кромке пляжа и поднимаются в лес на склоне холма. В их глазах читается ненависть. Их лица пышут яростью, жадной убийства. Вскоре они достигают еще одного холма, где обычные джунгли переходят в бамбуковую рощу. Тут они сдерживают себя, идут молча. Они только что обнаружили то, что искали: замаскированную крышу хижины. В полной тишине они приближаются. Дверь закрыта. Без малейшего колебания они всаживают свои гарпуны в стену и выламывают дверь.

То, что они видят, похоже на ад. Мужчина, *mat salleh* (белый), обнаженный до пояса, в состоянии транса скорчился возле порога. В глубине хижины к столбу привязана женщина. Ее тело — одна сплошная рана. У ее ног лежит орудие преступления: нож ныряльщика.

Рыбаки хватают преступника и волокут его к пляжу. Они уже приготовили виселицу. Именно в этот момент ситуация резко меняется: появляются полицейские из Мерсинга, города, расположенного в десяти километрах к северу от Папана. Получив сигнал от свидетелей, они прибыли на место вовремя, чтобы помешать линчеванию. Человека спасают и сажают в камеру в центральном комиссариате Мерсинга.

Эта невероятная история произошла три дня назад недалеко от границы с Сингапуром. Надо заметить, что она не так необычна, как это, может, кажется на первый взгляд. Случаи самосуда до сих пор нередки в Юго-Восточной Азии. Но на сей раз главной неожиданностью стала личность подозреваемого. Это француз. Его зовут Жак Реверди, и человек он непростой. Бывший спортсмен, пользовавшийся всемирной

известностью, в 1977–1984 годах он неоднократно устанавливал мировые рекорды по глубоководному погружению без акваланга в категориях «без границ» и «постоянный вес».

С середины восьмидесятых он ушел из большого спорта и уже более пятнадцати лет живет в Юго-Восточной Азии. Сейчас ему сорок девять лет, он работает тренером по дайвингу и разъезжает между Малайзией, Таиландом и Камбоджей. По свидетельствам знакомых с ним людей, это улыбчивый и приветливый, но в то же время одинокий человек, предпочитающий жизнь в стиле Робинзона Крузо в отдаленных бухтах. Что же произошло седьмого февраля 2003 года? Каким образом в хижине, где он жил уже несколько месяцев, оказался труп молодой женщины? И почему малайские рыбаки готовы были немедленно расправиться с ним?

В 1997 году Жака Реверди уже задерживали в Камбодже за убийство молодой немецкой туристки Линды Кройц. За недостаточностью улик его отпустили. Но это дело получило громкую огласку в Юго-Восточной Азии, и, когда он обосновался в Папане, местные жители узнали его. И постоянно наблюдали за ним. Когда люди заметили, что он приглашает в свою хижину датчанку по имени Пернилла Мозенсен, их мгновенно охватили беспокойство и страх. В течение нескольких дней молодая европейка не показывалась в деревне. Этого было достаточно, чтобы возникли подозрения и разыгралось воображение...

Согласно первым сообщениям, врачи Клинического госпиталя в Джохор-Бахру насчитали на теле Перниллы Мозенсен двадцать семь ран, нанесенных «холодным режущим и колющим оружием». Раны покрывали ее конечности, лицо, горло — и область половых органов. На пресс-конференции девятого февраля эксперты отмечали «патологическую жестокость».

Журналисты в Малайзии уже говорят об «амоке», убийственном безумии магического происхождения, поражающем людей в этих краях.

Проведя ночь в Мерсинге, Реверди был переведен в психиатрическую клинику в Ипохе, самый известный центр такого рода в Малайзии. С момента задержания он не произнес

ни слова: судя по всему, он пребывает в шоке. По словам медиков, такое посттравматическое оцепенение не должно продолжаться долго. Сознается ли он в содеянном, когда придет в себя? Или, наоборот, будет пытаться снять с себя вину?

Мы, сотрудники «Сыщика», дали себе слово, что прольем свет на это дело. На следующий день после ареста Жака Реверди мы отправились в Куала-Лумпур, где намереемся пройти по его следам. Наша команда надеется понять, действительно ли человек превратил этот изумрудно-бирюзовый рай в территорию охоты. Мы хотим проследить его маршрут и выяснить, не было ли на его пути других смертей...

В данный момент мы уже имеем информацию из эксклюзивных источников, дающих понять, что разоблачения только начинаются. Уже в следующем номере вы узнаете гораздо больше о том, что скрывалось за обликом этого зловещего «короля волн».

*Марк Дюпейра,
специальный корреспондент «Сыщика»
в Куала-Лумпуре*

Э

Прочитав последние строки своей статьи, Марк Дюпейра улыбнулся.

«Команда», которую он упомянул, состояла из него одного, а «путешествие» не вывело его за пределы Девятого округа. Что касается «эксклюзивных источников», то за них сошли несколько звонков в агентство Франс Пресс в Куала-Лумпуре и малайские ежедневные издания. Вот уж действительно, было бы из-за чего перья ломать! Он открыл свою электронную почту, написал несколько строчек главному редактору, Вергенсу, и прикрепил к этому тексту свою статью. Потом подключил ноутбук к первой попавшейся телефонной розетке и отправил письмо.

Глядя на уведомление об отправке сообщения, появившееся на экране, он погрузился в размышления. Все эти мелкие погрешности против истины были самым обычным делом. «Сыщик» никогда не отличался особой щепетильностью.

Однако Вергенс потребует большего: его журнал, специализирующийся на чрезвычайных происшествиях, обязан намного опережать другие издания. Так что Марк, скорее всего, не успел вскочить в отходящий поезд...

Он потянулся и взгляделся в окружающий его золотистый полумрак: кожаные кресла и начищенная медь. Уже много лет назад Марк облюбовал в качестве своей штаб-квартиры бар роскошного отеля возле площади Сен-Жорж. Он выбрал это место, потому что оно находилось в нескольких сотнях метров от его офиса, он обожал царившую в нем атмосферу английского паба, где запах кофе мешался с дымом сигар, куда приходили звезды, чтобы спокойно ответить на вопросы интервьюеров.

Существовала и более глубокая причина такого выбора: он не мог работать в одиночестве. Еще в студенческие, даже в школьные годы он писал сочинения, устроившись в уголке переполненного кафе, среди шума, под облаками пара, вырывавшегося из кофеварок. Эта атмосфера помогала ему преодолеть страх перед писанием. И перед самим собой. Марк побаивался одиночества. Пустого дома, куда может проникнуть незнакомец, замысливший убийство. Внезапно его пробрал холод; словно озноб пробежал по телу. Ему сорок четыре года, а он никак не расстанется с мальчишескими страхами.

— Будете еще что-то заказывать?

Официант в белой куртке обратился к нему снисходительно, окинув недовольным взглядом документы, разложенные на двух столах.

— Это бар, мсье, а не библиотека.

Марк порылся в кармане, но нашел там всего несколько монет. Официант добавил с иронией:

— Может быть, кофе? И стакан воды?

— И стакан воды. Обязательно.

Официант отошел. Марк посмотрел на лежащие на ладони монетки евроцентов. Они слабо поблескивали под лампами, красноречиво свидетельствуя о его финансовой ситуации. Он провел в уме ревизию своих личных ресурсов и не выявил ничего. Ни в банке, ни в заглашнике. Как он дошел до такого? Он, еще лет десять назад один из самых высокооплачиваемых парижских репортеров?

Он поставил одну монету ребром на стол и щелчком закрутил ее. Верчение навело его на мысль о волшебном фонаре, который мог бы показать его жизнь в виде фильма. Как назвать этот фильм? Подумав несколько секунд, он сделал выбор: «История наваждения».

Преступного наваждения.

А между тем все началось с невинности.

С фортепиано. Подростком Марк испытывал твердую уверенность: его существование будет расписано как по нотам. Занятия музыкой в лицее. Парижская консерватория. Концерты и записи пластинок. Но, будучи пианистом, Марк в то же время стремился быть и прагматиком. Он отвергал любой пафос, любые романтические отклонения. Играя «Гольдберг-вариации» Иоганна Себастьяна Баха, он никогда не пользовался педалью, подчеркивая механический, математический характер музыки, ее контрапункты. Исполняя Шопена, он старался не преувеличивать «рубато» левой руки, из-за которого отрывок мог начать раскачиваться, словно старая лодка, зачерпнувшая воды. А когда дело доходило до Рахманинова, ему нравилось выделять напряженную, прямолинейную дуольную мелодию на фоне триолей аккомпанемента.

Тогда под его пальцами рождалась уверенность. Он не предвидел ни единой фальшивой ноты в своей судьбе. И тем не менее она прозвучала. С разрушительной жестокостью, весной 1975 года. Смерть д'Амико, ближайшего друга, с которым он делил свои лучшие лицейские годы, превратила его существование в хаос. Впрочем, сознание Марка отказалось воспринимать случившееся. Он впал в кому и пришел в себя только через шесть дней. Очнувшись, он ничего не помнил. Ни как нашли тело, ни часы, предшествовавшие этому.

Очень быстро он осознал, что происшествие не просто потрясло его. Последствия драмы были не явными, но ужасными. Его восприятие музыки изменилось. Теперь он испытывал к роялю болезненную неприязнь, отвращение, мешавшее ему — нет, не играть, а вкладывать душу в исполнение. Внутренний надлом все усиливался. И образовавшаяся расщелина поглощала все надежды. Консерватория, конкурсы, концерты... Он ничего не сказал ни родителям, ни психиатру,

наблюдавшему его с момента потери сознания. Кое-как он сдал экзамен на степень бакалавра музыки. Но какой-то механизм в нем сломался. Он больше не мог надеяться, что будет отличаться от других виртуозов, сможет внести что-то новое в великую историю исполнительского искусства. За неимением лучшего, он выбрал литературу и поступил в Сорбонну.

Он учился в магистратуре, когда умерли его родители. Один за другим. Оба от рака. Марк, еще не опомнившийся от собственной травмы, наблюдал за этой трагедией отстраненно. По правде говоря, он никогда не испытывал особенной привязанности к двум фармацевтам из Нантера, не понимавшим его амбиций. Мысль о родителях неизменно вызвала у него ассоциацию с пачкой денег, схваченной двумя пластмассовыми скрепками. Ничего общего с его мечтами музыканта-бессребреника. Кроме того, у Марка имелась сестра, воспитанная в тех же мелкобуржуазных традициях, которая и поспешила взять аптеку в свои руки. Передача эстафеты, передача денег.

Марк дописал свою диссертацию на соискание степени магистра «Апулей, или Метаморфозы глагола», потом начал искать работу. Он как следует поработал, составляя свое резюме. Он казался самому себе потерпевшим кораблекрушение, рассылающим по морю бутылки — только не с записками, а с броскими этикетками внутри. Кому в современном профессиональном мире мог быть нужен специалист по неоплатонизму? Он перебрал все области, где могло бы пригодиться его перо: журналистику, рекламу, издательское дело... Все они оставляли его глубоко равнодушным: он по-прежнему страдал от своей раны. От разлуки с фортепьяно.

Случилось чудо. Ему пришел положительный ответ из провинции. Скромная газетенка в Ниме, но главное заключалось в другом: ему собирались платить за написанное! Он целиком отдался новой работе. Он полюбил юг Франции и обнаружил, что все яркие клише, относившиеся к этому региону, соответствуют действительности. Солнце, золото равнин, пастельные тона цветущей лаванды или розмарина. Подобно тому как белье пропитывается ароматом от маленького саше из сухих трав, положенного в ящик, он проникался

новыми ощущениями от окружающего. Он вдыхал запахи; приглушенная, потаенная мягкость достигала самых глубин его существа.

Шли годы. Он добился успеха, стал больше зарабатывать. Он продал сестре принадлежавшую ему долю родительской аптеки и купил дом в окрестностях Соммьера. Там у него сложился круг друзей, круг привычек, круг «невест». В тридцать лет он уже ощущал себя стопроцентно «местным». Драма с д'Амико казалась такой далекой, литературная работа занимала всю его жизнь, и теперь, разумеется, он вынашивал проект романа. Каждое утро он просыпался пораньше, чтобы поработать над «шедевром». Но самое главное, терзания почти оставили его. Он по-прежнему посещал психотерапевта в Ниме, и кошмары отступали. Красное, то красное, что временами заполняло все уголки его мозга, размылось настолько, что казалось, вот-вот растворится в сиянии утреннего света.

Незаметно для него самого новый яд начал отравлять его жизнь: рутина. Обыденность, сужая свои концентрические кольца, грозила задушить его. С каждым днем он увязал в ней все глубже. Он стал просыпаться позже — только-только к утренней «летучке». По вечерам он включал телевизор, оправдывая себя тем, что весь день «вкалывал как проклятый». Мало-помалу мелкие, но вполне насущные заботы профессиональной жизни возобладали над мечтами о писательской славе. Он привык больше есть, располнел, полюбил бездельничать. Он даже начал снова играть на рояле, но исключительно забавы ради.

И тогда он встретил ее.

Вначале он ее попросту не заметил. Так бывает при психологических тестах, когда испытуемому дают «неправильные» игральные карты — красный пиковый туз, черную бубновую десятку, а он не замечает этого и принимает их за обычные карты. Марк воспринял Софи как часть окружающего мира и не сумел заметить ее «особость».

Она была «неправильной» картой, вот и все.

Он познакомился с ней в Сеньоне, в природном парке Люберона, на открытии археологического заповедника. Там

в меловом гроте нашли окаменевшие останки доисторических животных. В тот день Софи заговорила с ним: она отвечала за связи с общественностью в фонде, финансировавшем мероприятие. Он ее не заметил. Красная дама трэф. Черная дама червей. Ей пришлось проявить настойчивость, пригласить его несколько раз на другие предприятия, финансировавшиеся ее фондом, чтобы он наконец понял.

Софи в точности соответствовала его идеалу женщины.

Именно ее образ всегда витал в его подсознании. Тайная мечта, которую он не осмеливался конкретизировать, опасаясь, как бы она не исчезла при соприкосновении с его мыслями. Даже сегодня он не мог бы описать ее. Высокая, темно-волосая, четкая и призрачная одновременно. Он помнил только идеальную уравновешенность. Совершенную грацию. Он всегда думал (а теперь получил подтверждение своим мыслям), что ни цвет волос, ни оттенок и фактура кожи не играют никакой роли. Значение имеет только гармония целого. Чистота линий, четкость рисунка. Подобно чуду мелодии, которую можно сыграть на любом инструменте, не потеряв при этом выраженных в ней чувств.

Невозможно сказать, что покорило его: ее ум или ее личность, потому что все, абсолютно все в ней — ее замечания, ее решения, ее поведение — было пронизано все той же невыразимой грацией. Он не слушал ее: он парил. Он не любил ее: он ей поклонялся. У него осталось лишь одно желание: жить возле нее, следовать за этой красотой до конца, подобно паломнику, идущему к своей святыне. Он хотел видеть, как у нее появятся морщинки, он хотел приручить ее красоту, не пытаясь ни понять ее, ни познать ее тайну. Он просто надеялся приобщиться к ее истории, как священник приобщается к вере через молитвы, не пытаясь проникнуть в промысл Божий.

Он кинулся работать с удвоенной энергией. Уже два года он был корреспондентом крупного парижского фотоагентства. Как только в его регионе назревало «событие», способное приобрести общенациональное значение, он сразу предупредил центральный офис, и к нему выслали фотографа. Благодаря этой работе он свел знакомство с лучшими фотомастерами. Людьми, которые постоянно путешествовали, ко-

торые жили в ином масштабе реальности. Теперь Марк предложил им сотрудничество — пресловутый тандем журналиста и фотографа — на международной арене.

Ему оказали доверие. Он стал ездить, писать на самые разные темы. Народы далеких стран, безумные миллиардеры, войны между преступными группировками: ему подходило все. С одним условием: глянцевая бумага должна гарантировать новизну, нечто невероятное, выброс адреналина. Он получал все больше. И все больше рисковал. Он продал дом в Соммьере и вернулся в Париж. Конечно, Софи поехала с ним — впрочем, все это было ему предначертано судьбой. Как ни странно, он нуждался в командировках, чтобы приблизиться к ней, чтобы добавить огня в их повседневную жизнь, чтобы возвысить их близость. Перед ее красотой ему оставалось только стать героем. Равновесие прежде всего.

В конце 1992 года Марк работал над важным репортажем о сицилийской мафии. Ему предстояло побывать в нескольких городах: в Палермо, Мессине, Агридженто. Он уговорил Софи присоединиться к нему в конце поездки в Катании, у подножия Этны.

Именно там, в городе у вулкана, повторилась драма.

Софи пропала четырнадцатого ноября 1992 года. Он никогда не забудет эту дату. Женщину-божество, Пифию поглотил тот же цвет, что и д'Амико. Красный. Во всяком случае, так ему казалось, потому что он ничего не помнил. Когда он нашел ее тело, он потерял сознание и провалился в сон без сновидений. Все произошло точно так же, как в первый раз. Находка. Шок. Кома.

Он очнулся в клинике. Ему очень осторожно объяснили, что случилось. Прошло два месяца. Его перевезли в Париж. Софи похоронили в ее родном городке, недалеко от Авиньона. Марк больше не мог говорить. Старые призраки оживали вокруг него: его сестра, специалисты по амнезии, психиатр, лечивший его в первый раз. Он слушал их, ел, спал. Но ощущал лишь одно: вкус цемента во рту, как после долгого общения с дантистом. Этот вкус преследовал его, заполнял его целиком, парализовал. Он превращался в каменного истукана. Неспособного ни думать, ни реагировать.

Пришлось ждать две недели, прежде чем он смог встать. Он посмотрелся в зеркало, и ему показалось, что он просто похудел. Его кожа приобрела цвет гипса, а изо рта шел все тот же запах известики.

Спустя месяц его мысли наконец упорядочились. Он понял, что потерял все. Не только Софи, но и последние воспоминания о Софи. Именно эта черная дыра преследовала его, когда он бродил в пижаме по больничным коридорам. Этот разрыв во времени, эта пустота, которая всегда будет с ним и которую нельзя будет ничем заполнить.

Позже он оценил степень метаморфозы, произошедшей с ним самим. Со смертью д'Амико он утратил вкус к музыке. На сей раз он утратил вкус к жизни, к будущему, к какой бы то ни было деятельности. Он лег в специальную клинику, заплатив за лечение деньгами от продажи дома в Соммьере. Шли месяцы. Глядя в зеркало, Марк отмечал, что все худеет и худеет. Мертвенно-бледное лицо, выступающие скулы. Он становился нематериальным — он утрачивал вес в мире, ждавшем его за стенами клиники.

Впрочем, ему удалось найти новый путь: цинизм.

Оправиться от смерти Софи — это означало оправиться от самого худшего. Итак, он снова займется своим делом, но уже без малейшей щепетильности, без малейших иллюзий. Он будет работать ради денег. Он достаточно изучил мир средств массовой информации и прекрасно понимал, что по-настоящему прибыльной может быть лишь одна тема: подробности жизни знаменитостей. В то утро он улыбнулся своему отражению в зеркале, своим едва заметным усикам, которые отпустил, чтобы немного оживить свое лицо аскета.

Поскольку надежды у него уже не оставалось, он решил пожинать плоды своего отчаяния.

Он станет папарацци.

Журналист не мог опуститься ниже. Папарацци — это самое дно. Никаких принципов, никаких ценностей: дозволено все, что может принести деньги. В то же время эта работа требовала напряжения, адреналина, хитроумных расследований. Более того: приходилось прятаться, маскироваться, обманывать. Не говоря уже о более реальном риске: в этой профессии уже нельзя было обойтись без «мордобоя», без

уничтожения материала. Этого он и хотел. Он не фотограф, но ему не будет равных в проведении расследований.

Он — охотник за скальпами.

Через несколько лет он стал одним из лучших в своей профессии. Иными словами, одним из худших. Разгребатель дерьма, лжец, интриган. Он скатился в некую непонятную среду — в этом болоте он мыл свое золото. Он общался с проститутками высокого полета, с запутавшимися в долгах легавыми, с полусветскими информаторами — со всей швалью, барахтавшейся в сточных канавах высшего общества. Он научился подмазывать консьержей, шоферов, врачей. Он стал специалистом по копанию в помойках, а также по проникновению на вечеринки для избранных.

Вскоре его прозвали «взломщиком». Он мастерски выкрадывал семейные фотографии людей, по той или иной причине оказавшихся на авансцене общественной жизни. Родители ошеломлены популярностью, свалившейся на их ребенка? Он приходит к ним, улыбающийся, приветливый, и украдкой прихватывает фотографии с каминной полки. Отец и мать не могут оправиться от убийства маленькой дочки? Он выражает сочувствие, но, пользуясь общим отчаянием, успевает порыться в обувной коробке, где хранится семейный архив.

Если нужно было сделать «правдивые» снимки, он сотрудничал, в зависимости от темы, с лучшими фотографами, часто зарубежными. Наклевывается по-настоящему горячий сюжет в Монако? Он вызывал альпиниста, способного проникнуть в княжество по прибрежным утесам, минуя таможеню. Нужен моментальный снимок обнаженной груди Офелии Уинтер? Он добывал самого ловкого фоторепортера — одного из виртуозов, работавших на Олимпийских играх, сумевшего поймать блестящий кадр на старте стометровки. Снять ночную сцену с высоты в восемь тысяч метров? Это стоило обсудить с фотографом-анималистом, специалистом по ночным съемкам и при этом — гениальным умельцем, придумавшим инфракрасный объектив.

В 1994 году он наконец нашел себе идеального партнера, эффективно работавшего в любом жанре. Венсан Темпани,

длинноволосый, вечно возбужденный сквернослов огромного роста, мог сидеть в засаде ночи напролет и делал отличные снимки в любых обстоятельствах. Дитина ростом метр девяносто, он мог, в случае необходимости, справиться с любыми телохранителями и нимало не боялся открыто нарушать закон — с ним вдвоем они неоднократно забирались в дома звезд. Рискованно, зато прибыльно.

Одетые в «бомберы» — зеленые куртки английских летчиков, в черные вязаные шапочки, они напоминали солдат элитных подразделений и, по сути дела, проводили настоящие десантные операции. Их повседневная жизнь была бурной, они постоянно находились на взводе. Ветер дул им в паруса. В середине девяностых годов французские журналы ожесточенно конкурировали друг с другом в описаниях светской жизни. «Пари-Матч», «Буаси», «Гала», «Пуэн де вю» вели открытую войну за лучшие снимки.

Они заработали целое состояние.

Но Марк вкалывал не ради денег. Он только-только купил себе за наличные однокомнатную квартиру в Девятом округе, но даже не потрудился ее обставить. Он искал другого — забвения. Единственное, чем он гордился, так это тем, что ценой невероятных усилий заставил отступить свои кошмары и загнал образ Софи в самый далекий уголок сознания. По сути дела, он ничего не уладил. Но все же кое-чего достиг. Он с гордостью носил обличье негодяя.

Марк был из тех, кто выживает.

А те, кто выживает, имеют право на все.

1997 год. Марк и Венсан метались с острова Мустик в Гштаадт, из поместья Спероне на Корсике во Флориду, в Палм-Бич. Остановиться они не могли: лихорадка погони за знаменитостями достигла своего апогея. Марк чувствовал, что это не продлится вечно. Ветер изменится, не только для них, но и для всех остальных. Журналы не выдерживали потока нескромных фотографий. А также потока судебных повесток, приходивших следом за каждой публикацией. Знаменитости все чаще устраивали скандалы, выступали с заявлениями в других изданиях. А читатели начинали испытывать неловкость от бесконечного подглядывания в скважину. Предел терпимости был уже близок.

Марк представлял себе постепенный отход от дел, затяжное падение. Он не мог предвидеть, что это падение совершится в один миг. Страшный, как нож гильотины.

Таким ножом стала ночь тридцатого августа 1997 года.

Марк никогда не интересовался леди Дианой: слишком большая конкуренция. Он предпочитал работать один, над более сложными, более неожиданными темами. Поэтому он должен был бы узнать о ее смерти, как все остальные, утром тридцать первого, из радио- или телепередачи.

Но нет. Венсан позвонил ему в час ночи.

Марку потребовалось какое-то время, чтобы связать воедино все факты. Группа папарацци преследовала Диану и Доди аль-Файеда по набережным Сены; авария в туннеле Альма. Венсан был среди фотографов, гнавшихся за «мерседесом». Он говорил по телефону быстро и валил все в одну кучу: тела среди покореженного железа, заблокированный клаксон, гудевший в туннеле, фотографы — одни продолжали снимать, другие пытались помочь пассажирам.

Марк понял, что это немыслимое происшествие знаменует окончание его карьеры — и его благосостояния. Но это в долгосрочной перспективе. А на текущий момент самое главное, что великан снял аварию. К тому же ему удалось удрать, когда остальных задержала полиция. На несколько часов Венсан становился единственным обладателем фотографий на медиарынке. Это целое состояние.

Марк мысленно задал себе вопрос: он мужчина или обыкновенный стервятник? Вместо ответа он услышал собственный ледяной голос:

— Ты снял на цифру?

Они договорились встретиться в редакции одного из крупнейших парижских журналов. Сперва Венсану предстояло срочно напечатать фотографии — он работал с обычной пленкой. Марк приехал в полтретьего. Увидев людей в куртках вокруг просмотрового стола, он понял, что ситуация осложнилась. Диана умирала в клинике «Питье-Сальпетриер». У нее дважды останавливалось сердце: сейчас шла операция.

Марк подошел к столу, на котором поблескивали снимки. Он ожидал увидеть растерзанную плоть, потеки крови на железе, картину чудовищной бойни. А увидел прозрачное, словно светящееся лицо принцессы. У нее немного опухли глаза, капля крови стекала по виску, но ее красота не пострадала. Несмотря на явные следы столкновения, она казалась поразительно юной и свежей. Это был настоящий ангел во плоти, покрытый синяками, ссадинами, кровью, и от этой подлинности сжималось сердце.

Самой страшной была другая фотография — без сомнения, последняя фотография Дианы в сознании. Вспышка выхватила ее взгляд, обращенный через заднее окно машины к догонявшим ее фотографам. В этом взгляде Марк прочел истину. Причиной смерти принцессы стала не ошибка водителя, даже не фотографы, гнавшиеся за ней этим вечером. Ей суждено было пасть жертвой долгих лет преследования, когда ее травили, выслеживали, и не только фотографы, но и весь мир. Ее должно было сгубить людское любопытство, та темная сила, что сделала ее средоточием всех взглядов, всех желаний. Погоня, идущая испокон веков. Обратная сторона желания видеть и знать, вписанного в гены людей.

— Предупреждаю! Это я не продам.

Марк узнал фотографа, сказавшего эти слова: у того в глазах стояли слезы. Значит, именно он сделал снимок «через заднее окно», остальные, где Диана лежала среди обломков, принадлежали Венсану. Марк поискал его взглядом: великан казался испуганным, он переступал с ноги на ногу, сжимая в руке шлем.

Марк оглядел остальных — дежурных журналистов, заведующего фоторедакцией, поднятого среди ночи. В свете, шедшем снизу, от стола, их лица казались бледными, прямо-таки мертвенно-белыми. В этот момент никто из них не произнес ни слова, но они пришли к молчаливому соглашению: никто не будет ни продавать, ни публиковать эти снимки.

В четыре часа пришла новость: Диана умерла.

И тут началась настоящая лихорадка. Беспрестанно звонили мобильники. Со всего мира поступали предложения от редакций. Цены росли. Марк краем глаза наблюдал за Вен-

саном и несколькими другими фотографиями, приехавшими к тому времени с новыми снимками. Они так и стояли в куртках и нерешительно отвечали на звонки, понимая, что нашли золотую жилу. Иногда они смотрели на свои отражения в окнах редакции и, наверное, задавали себе тот же вопрос: я мужчина или стервятник? Марк выскользнул из здания в шесть утра, предварительно договорившись с Венсаном: они не будут ничего продавать.

Марк подходил к своей машине, когда у него зазвонил мобильный. Он узнал голос: его информатор из Управления криминальной полиции. «Диана. Мы ждем свидетельство о смерти. Тебя это интересует?» Марк представил себе бледное тело на операционном столе. Тело, которое он сам несколько лет назад осквернил, толкнув кому-то фотографии, на которых можно было разглядеть признаки целлюлита на бедрах принцессы. На снимках, опубликованных в увеличенном формате, «интересная» область была обведена красным. За этот репортаж на потребу широкой публики Марк положил в карман восемьдесят тысяч франков. Вот в каком мире он жил. Он дал отбой, не ответив.

Спустя час полицейский перезвонил. «Только что получили по факсу свидетельство. Есть результаты анализа крови. Не исключено, что она была беременна. Тебе по-прежнему не интересно?» Марк еще поколебался для вида, потом, повинувшись темному желанию достичь дна, сказал: «Жду тебя через тридцать минут в „Золотом солнце“. Бумагу привезу». Кафе «Золотое солнце» было ближайшим от дома тридцать шесть на набережной Орфевр¹. Что касается «бумаги», то на встречу с информатором всегда следовало приносить лист стандартного формата для ксерокса: в полиции использовалась бумага с характерными знаками, которая, в случае скандала, могла стать уликой.

Через час он держал в руке копию документа. Еще через два часа он предложил ее редакции одной из крупнейших парижских газет. Бесценное предложение. Но руководство колебалось: ничто не гарантировало подлинность свидетельства

¹ Адрес Управления криминальной полиции. (Прим. ред.)

о смерти, а последствия могли быть очень и очень серьезными. В это самое время на улицах стали раздаваться требования линчевать папарацци и в целом средства массовой информации, «убившие Диану». Не дав твердого согласия на публикацию, редакция оплатила «гарантию» и подготовила макет — Марк, не выходя из здания, самолично настрочил статью. Но тут произошло неожиданное: секретарши-стенографистки отказались ее перепечатывать. Это уже выходило за всяческие рамки. Подобное восстание в корне изменило ситуацию: газета отказалась от публикации. И решила на полумеры. В статье дадут намек на возможность беременности, но о воспроизведении свидетельства не может быть и речи.

Марк в бешенстве схватил свое вещественное доказательство и ринулся в редакционный туалет. Там, в одной из кабинок, он сжег документ. И в эту секунду его горло сжалось от отвращения. Нет сомнений: он действительно последняя сволоочь. Он смотрел на язычки пламени, извивавшиеся между его пальцами, и давал зарок раз и навсегда покончить с этой работой. Прошло пять лет с тех пор, как он заключил пакт с дьяволом, и теперь символически сжигал свой злоецый контракт.

Он отправился путешествовать. Почти против собственной воли он вернулся на Сицилию и всего через два дня, даже не отдавая себе в этом отчета, добрался до Катании. Своего рода паломничество, вот только он ничего не мог вспомнить. Бродя по улицам, проложенным в черной вулканической породе, он мучительно пытался вспомнить те несколько часов, которые предшествовали исчезновению Софи. О чем они говорили в последний раз? Несмотря на незатухающую любовь, несмотря на то, что не проходило и дня, чтобы он не думал о ней, он так и не смог воскресить в памяти их последние часы.

На Сицилии он принял новое решение. Подобно преследуемому, который после долгой гонки вдруг резко поворачивается и вступает в схватку со своими преследователями, Марк решил развернуться и сразиться наконец с собственными демонами. В течение пяти лет нервного возбуждения,

грязных уловок, выискивания нескромных фотографий он добивался лишь одной цели: спутать карты, скрыть терзавшие его мысли. Настало время уступить этому наваждению.

Этой своей заикленности на убийстве.

На крови и смерти.

Он предложил свои услуги новому журналу «Сыщик», специализировавшемуся на преступлениях и чрезвычайных происшествиях. Марк не имел опыта подобной работы, но вся его карьера свидетельствовала о способности раскапывать интересные материалы. В сорок лет он начал с нуля. В пятый раз. Побывав пианистом, провинциальным журналистом, известным репортером, папарацци, теперь он переключился на происшествия. Ему поручили вести раздел криминальной хроники. Он проводил целые дни на заседаниях судов, следил за расследованием самых мрачных преступлений, наблюдал за убийцами в клетке для подсудимых. Сведения счетов, гнусные кражи, преступления на почве страсти, кровосмешение, детоубийства... Недостатка в мерзостях не было. Марк испытывал разочарование. Он надеялся, что, оказавшись лицом к лицу с обвиняемыми, сможет найти истину. Древнюю отметину преступления.

То, что он увидел, оказалось еще более страшным: он не увидел ничего. Банальность зла. Более или менее раскаявшихся людей, более или менее разумные лица, на которых неизменно читалась непричастность к совершенным преступлениям. Казалось, что эти человеческие существа, убившие своих детей, зарезавшие своих сожителей, угробившие соседа за несколько евро, стали жертвой неведомой, чужой силы.

Но иногда у Марка складывалось обратное впечатление. Разрушительная сила по-прежнему пульсировала в глубине их сознания. Она коренилась в генах человека, в его примитивном мозгу. И ждала лишь повода, чтобы вырваться наружу.

Шли годы. Через его руки прошли сотни уголовных дел — доведенных до суда и не доведенных. Он знал всех служащих уголовной полиции, судей, адвокатов. И убийц. Он стал своим человеком в курилке на набережной Орфевр и в комнате для свиданий тюрьмы Френ. Он обедал с лучшими следователями и брал интервью у самых чудовищных убийц.

Литературно-художественное издание

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ
ЧЕРНАЯ ЛИНИЯ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

Подписано в печать 08.02.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 19,7. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MBD-14849-07-R